
КЪ БЮГРАФИИ ЖУКОВСКАГО.

(По матеріаламъ архива братьевъ Тургеневыхъ).

I.

Дружеская переписка въ августѣ—сентябрѣ 1800 г.

Когда Иванъ Петровичъ Тургеневъ въ 1796 г. возвратился изъ ссылки въ Москву, то старшій его сынъ Андрей поступилъ въ университетъ, а второй,—Александръ,—въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Первымъ товарищемъ Андрея Тургенева былъ Журавлевъ, который, однако, скоро (въ 1798 г.) уѣхалъ въ Вильну на службу въ губернскае правленіе. Между Журавлевымъ и Андреемъ Тургеневымъ началась переписка, о которой впоследствии вспоминалъ Ал. Ив. Тургеневъ въ Геттингенѣ. „Сколько они сладостныхъ дружескихъ вечеровъ провели вмѣстѣ!“—записываетъ Александръ Тургеневъ въ своемъ дневникѣ: „сколько горести онъ раздѣлилъ съ братомъ! и по разлукѣ съ нимъ сколько удовольствія доставляла брату переписка съ нимъ, и онъ никогда не могъ простить себѣ, разъ заплакалъ, досадуя на самого себя, чистосердечно укорялъ себя въ холодности и въ дурномъ сердцѣ—за то что пересталъ писать къ Журавлеву! Боже мой! И кто больше брата любилъ его? Какое сердце чувствовало больше цѣну любви и добродѣтели?“ Изъ сохранившихся въ скудныхъ остаткахъ писемъ Журавлева можно видѣть отчасти подтвержденіе того, о чемъ говоритъ намъ Александръ Тургеневъ. Литературные интересы и тогда уже у друзей преобладали. Они и тогда уже занимались переводами, и въ одномъ письмѣ Журавлевъ порицаетъ своего друга за то, что тотъ будто бы намѣревается сдѣлать переводъ одной книги для книгопродавца изъ-за денегъ. „Ты нанимаешься переводить книгу? Развѣ тайно, подъ чужимъ именемъ... чтобы не разнесся довольно невыгод-

ный для васъ съ батюшкой слухъ, что директорскій сынъ нанимается у частныхъ людей переводить книги. Ежели бы я былъ, то могъ бы я на свое имя взять всю книгу и работать съ тобой вмѣстѣ и раздѣлить награду за труды, и тогда бы можно было подумать, хотя бы кто и узналъ, что ты помогаешь мнѣ по пріязни, а не изъ интереса“. Изъ другого письма мы видимъ, какъ они мечтали о Германіи. Журавлевъ, взявши въ руки книгу, по его словамъ, лишь пятнадцати лѣтъ, воспитывался главнымъ образомъ на французской литературѣ; Андрей же Тургеневъ съ дѣтства познакомился съ литературой нѣмецкой и впоследствии пропагандировалъ ее между друзьями. И вотъ, прочитавъ въ одной книжкѣ Spectateur du Nord статью о нѣмецкой литературѣ, Журавлевъ мысленно обращается къ Андрею: „Щастіе тебѣ болѣе благопріятствуетъ; обстоятельства посылаютъ тебя въ любезную страну; мы вмѣстѣ нѣкогда мечтали быть и въ ней неразлучными; вмѣстѣ съ энтузіазмомъ гадали пожить нѣсколько въ Германіи, называя ее щастливою“.

Въ письмахъ Журавлева нѣтъ поклона ни Жуковскому ни Мерзлякову, хотя, по обычаю того времени, поклоны перечисляются въ большомъ количествѣ. Надо думать, что Журавлевъ, а можетъ быть, и Андрей Тургеневъ были еще не знакомы съ Жуковскимъ, а Мерзляковъ, хотя и былъ несомнѣнно съ ними знакомъ, какъ университетскій воспитанникъ, но не принадлежалъ еще къ товарищескому кружку. Съ отъѣздомъ Журавлева около Андрея стали группировываться новый кружокъ. Въ 1798 году произошло знакомство съ Андреемъ Тургеновымъ Андрея Кайсарова, бывшего въ это время въ военной службѣ. Вслѣдъ за тѣмъ произошло знакомство съ Жуковскимъ, товарищемъ Александра Тургенева по Университетскому Благородному Пансіону. „Помнишь ли, братъ“,—писалъ Александръ Ивановичъ Жуковскому изъ Геттингена послѣ смерти Андрея, 1-го февраля 1804 г.,—что я первый познакомилъ васъ? Можетъ быть, вы бы и никогда другъ о другѣ не узнали, если бы не я, если бы наше пансіонское товарищество не свело меня съ тобою. Помнишь ли еще, братъ, что уже съ другаго свиданія вашего съ нимъ вы ужъ узнали и полюбили другъ друга?“ Съ своей стороны съ Мерзляковымъ познакомилъ Александра Ивановича братъ Андрей. Образовался, такимъ образомъ, тѣсный кружокъ изъ пяти человѣкъ: двоихъ Тургеновыхъ, Жуковского, Мерзлякова и Кайсарова. Взаимныя отношенія между ними были различны. Такъ, въ сердечной исторіи Андрея Тургенева съ Катериной Михайловной Соковниной принималъ непосредственное

участіе только Жуковскій: черезъ него шла вся переписка. Наоборотъ, о своихъ увлеченіяхъ въ Вѣнѣ Андрей Тургеневъ сообщаетъ только Кайсарову и проситъ держать въ тайнѣ его откровенности, а о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ пишетъ общія письма къ нему и къ брату Александру. Въ то же время общія письма получаютъ Мерзляковъ и Жуковскій отъ Андрея Тургенева изъ Петербурга, но съ Кайсаровымъ онъ переписывается отдѣльно. Александръ Тургеневъ изъ Петербурга (весной 1802 г.) пишетъ только Жуковскому, прося Мерзлякову кланяться, иногда пишетъ особо и послѣднему, а изъ заграницы пишетъ общія письма имъ обоимъ. По нѣкоторымъ пунктамъ одни сближались съ одними, другіе—съ другими. Такъ, Кайсаровъ наиболѣе сближился съ Александромъ Ивановичемъ, учась уже съ нимъ въ Геттингенѣ, въ Москвѣ же онъ былъ ближе къ Андрею. Жуковскій и Мерзляковъ въ періодъ ученія Александра Тургенева въ Геттингенѣ для послѣдняго представлялись неразлучными; на Мерзлякова, впрочемъ, онъ надѣялся больше, чѣмъ на Жуковскаго. „На Мерзлякова грудь я надѣюсь какъ на вѣчную гранитную скалу“—записываетъ онъ однажды въ своемъ журналѣ: „Жуковскій добръ, очень добръ; лишь бы только мрачная злоба людей не впечатлѣла, не врѣзала въ мягкое его сердце недовѣрчивости, ненависти къ людямъ. Онъ отъ доброты же своей можетъ или возненавидѣть или полюбить челоуѣчество; первое обыкновенно чаще случается; но онъ, кажется, не вынесетъ продолжительнаго безпрестаннаго отвращенія къ людямъ; это чувство можетъ задавить его, и для того, хоть онъ вѣчно будетъ обманываться въ людяхъ,—онъ вѣчно будетъ любить ихъ“. Его предчувствіе по отношенію къ Мерзлякову не оправдалось; онъ не то что разошелся съ нимъ, но съ нимъ у него оказалось слишкомъ мало общаго. Мерзляковъ остановился въ своемъ литературномъ развитіи, а Тургеневъ сталъ членомъ Арзамаса и другомъ Пушкина. Но это имѣло мѣсто спустя 13 лѣтъ послѣ указанной записи.

Жуковскій и Мерзляковъ, будучи въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Александромъ Тургеневымъ, въ то же время примыкали къ Андрею, составляя съ нимъ какъ бы тріумвиратъ. Мерзлякова сближало съ Тургеневымъ, прежде всего, университетское сотоварищество, а Жуковскаго—общіе литературные интересы. У Андрея Тургенева съ Мерзляковымъ было еще то общее, что оба они были людьми общественными; они не могли замыкаться въ тѣсныя предѣлы только собственнаго я, но стремились къ обществу, къ кипучей дѣятельности. Жажда дѣятельности, дѣятельности быстрой, стремительной, была присуща

имъ обоемъ. Въ приводимомъ ниже письмѣ Андрей Тургеневъ предлагаетъ „въ дѣятельности искать себѣ веселія, счастья“, а Мерзляковъ въ одномъ изъ засѣданій Дружескаго Литературнаго Общества произноситъ рѣчь „О дѣятельности“, направленную противъ произнесенной Жуковскимъ рѣчи „О дружбѣ“. Александръ Ивановичъ впоследствии вспоминалъ, что корифеями общества были Мерзляковъ и Андрей Тургеневъ ¹⁾. Вообще, Мерзляковъ былъ какъ-будто ближе къ послѣднему, нежели Жуковский. Конечно, это происходило и оттого, что Жуковский до лѣта 1800, обучаясь еще въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и живя тамъ, не могъ такъ часто видѣться съ Тургеневымъ. Въ одномъ письмѣ изъ Вѣны (отъ 31-го декабря 1802 г.) Андрей Тургеневъ писалъ ему: „Помнишь ли, когда ты, еще будучи въ Пансіонѣ, украдкой переводилъ по 4 піесы вдругъ, и когда по воскресеньямъ приходилъ со мной просиживать вечера?“ Иначе было дѣло съ Мерзляковымъ. Въ журналѣ 1799 г. постоянно встрѣчаются упоминанія Андрея о Мерзляковѣ: то онъ бываетъ у Мерзлякова, то Мерзляковъ у него; то ходитъ съ нимъ по монастырямъ, то разсуждаетъ о разбойническомъ чувствѣ, то переводятъ вмѣстѣ Вертера. Однако, литературныя наклонности Жуковского были причиною, что онъ скоро долженъ былъ примкнуть къ кружку Мерзлякова и Андрея Тургенева, что въ дѣйствительности и случилось. Весной 1800 г. Жуковский вышелъ изъ Университетскаго Благороднаго Пансіона и сталъ самостоятельнымъ человѣкомъ, поступивъ на службу въ Московскую Соляную Контору. Осень 1800 г. была для тургеневского кружка самая интересная. Въ началѣ этого года они познакомились съ Воейковымъ, „ветхій домъ“ котораго на Дѣвичьемъ полѣ сдѣлался ихъ пріютомъ, гдѣ они, по позднимъ воспоминаніямъ Жуковского, „въ осенній хладъ“

Святой союзъ любви торжествовали
И звономъ чашъ шумъ вѣтровъ заглушали ²⁾.

Въ октябрѣ этого года Андрею Тургеневу приходитъ мысль издать сообща всѣ стихотворенія—свои, Мерзлякова и Жуковского, перемѣнивъ подъ ними подписи—М. Ж. Т. Въ концѣ 1800 г. Андрей Тургеневъ увлекается Соковинными, и повѣреннымъ его сердца дѣлается Жуковский.

¹⁾ См. мою статью о Дружескомъ Литературномъ Обществѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8.

²⁾ Тургеневу, 1813 г.

Андрей Тургеневъ былъ связующимъ звеномъ между Мерзляковымъ и Жуковскимъ. Для него и для Александра Тургенева оба они — и Мерзляковъ и Жуковскій — представлялись всегда нераздѣльными. Но сами два Тургеневскихъ друга, кажется, чувствовали, что между собой ихъ связывали нѣсколько искусственно постороннія обстоятельства. Со смертью Андрея Тургенева связь ихъ стала дѣлаться слабѣе. Мерзляковъ еще пишетъ въ 1803 г. Жуковскому исполнѣ дружественныя письма; оба они собираются въ 1805 г. путешествовать вмѣстѣ; но тутъ же Жуковскій анализируетъ свои старыя отношенія и приходитъ къ выводу, что съ настоящею привязанностью онъ любилъ только Андрея Тургенева. „Я вамъ всѣмъ— пишетъ онъ Александру Ивановичу 11-го сентября 1805 г.—тебѣ, Мерзлякову, Блудову, долженъ сказать откровенно, что не былъ никогда привязанъ къ вамъ съ отмѣнною силою, такъ же какъ и вы всѣ ко мнѣ. Мы всѣ сходились вмѣстѣ случайно, съ удовольствіемъ; но, я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ, чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ— какъ это назвать не знаю“¹⁾.

Однако, если мы и признаемъ справедливость этого тонкаго анализа, сдѣланнаго Жуковскимъ, все-таки мы должны констатировать фактъ особенной дружбы и близость трехъ лицъ молодого поколѣнія—Андрея Тургенева, Мерзлякова и Жуковскаго. Выписавъ 11-го ноября 1799 г. въ свой дневникъ слѣдующее стихотвореніе Drei Dichter (Wiel., Gleim und Jacobi)—

Die von den Grazien selbst mit Schwesterarmen umschlungen,
 Von gleicher Liebe der Musen beseelt,
 Zur Dame ihrer Gedanke die freundliche Weisheit gewährt,
 Die glücklicher macht; den Witz mit Empfindung vermählt.
 Und schönen Seelen, sich selbst und bestern Zeiten gesungen!—

Тургеневъ приписываетъ: „Пусть будутъ это—Мерзляковъ, Жуковскій и я“. А въ концѣ 1800 г. онъ записываетъ: „Сегодня (20 или 21 дек.) ввечеру имѣли мы трое, М[ерзляковъ], Ж[уковскій] и я, преинтересный разговоръ. Началось тѣмъ, что М[ерзляковъ] или Ж[уковскій] спросилъ, будетъ ли слѣдующій вѣкъ такъ же обилденъ или обильнѣе

¹⁾ Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. подъ ред. Бычкова, М. 1895 г., стр. 14.

писателями. Мы сказали свое мнѣніе“, и — затѣмъ идетъ изложеніе мнѣніе его и Мерзлякова о Карамзинѣ.

И вотъ, эта тройственная компанія въ августѣ 1800 г. затѣваетъ новое предпріятіе. Они рѣшаютъ завести между собою переписку. Они хотѣли было привлечь къ ней Родзянку, пансіонскаго товарища Жуковскаго и Александра Тургенева, слышавшаго между ними за философа. Кромѣ того, Родзянка болѣе другихъ товарищей Тургеневскаго кружка отличался наклонностью къ писательству; еще въ пансіонѣ онъ былъ секретаремъ Собранія воспитанниковъ, гдѣ Жуковский былъ предсѣдателемъ, и всѣхъ увеселительныхъ пансіонскихъ вечеровъ. Но Родзянка, тогда уже носившій зародыши скоро постигшей его душевной болѣзни, отказался принять участіе въ перепискѣ, и Тургеневъ объяснялъ это, съ одной стороны, его, Тургенева, насмѣшливымъ характеромъ, который былъ увеличенъ въ глазахъ Родзянки, а съ другой—Родзянкиною „оригинальностью“ или „странностью“.

Какая была цѣль устанавливаемой переписки и была ли установлена какая либо ея программа—неизвѣстно. Повидимому, послѣдней не было, а непосредственной причиной было тогдашнее особое литературное направленіе, выражавшееся въ писаніи дневниковъ, писемъ, посланій и пр. Долго ли продолжалась переписка—тоже неизвѣстно. Но надо предполагать, что—недолго. Въ январѣ 1801 г. дружескій кружокъ учредилъ Дружеское Литературное Общество, засѣданія коего стали происходить еженедѣльно. Участники его должны были готовить рѣчи, сочиненія, и маленькій тройственный кружокъ принялъ характеръ болѣе обширнаго, опредѣленнаго общества. Теперь же попытка учредить взаимную переписку была только однимъ изъ способовъ найти исходъ жаждѣ дѣятельности, которою отличались Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ. Еще годъ тому назадъ, въ ноябрѣ 1799 г., Тургеневъ записываетъ: „Уже нѣсколько дней какъ мы положили Планъ и Основаніе своему Изданію. Вотъ что мы назначили: Слава, — О смерти изъ Энгеля, *das stolze Bewusstsein*“ и т. п. Но это предпріятіе не было приведено въ исполненіе. Теперь затѣвается новое предпріятіе. Оно дошло до насъ только въ видѣ четырехъ писемъ: два письма Тургенева, одно—19-го августа, другое—20-го сентября, письмо Жуковскаго—20-го августа и письмо Мерзлякова—8-го сентября. Но было еще нѣсколько писемъ. Письмо Жуковскаго отъ 20-го августа есть уже отвѣтъ на письмо Мерзлякова, а Тургеневъ въ дневникѣ 23-го августа записываетъ о полученіи имъ письма отъ Жуковскаго. Дальше этого наши свѣдѣнія не идутъ. Письмо Тургенева слѣдующее:

„Авгус[та] 19 ¹⁾).

Вотъ и мое письмо. По крайней мѣрѣ, я начинаю очень охотно, хотя и чувствую, что „первой блинъ всегда комомъ“, что „первую пѣсенку зардѣвшияся пѣть“ и пр. и пр. Но *искренность* и *любовь!* — вотъ что должно быть нашимъ девизомъ; и я начинаю, если не складно, то по крайней мѣрѣ смѣло.

Прежде всего ты долженъ знать, что я никогда не могъ принудить себя писать сперва начерно, а потомъ набѣло (кромѣ етова письма) или списывать копію съ писемъ для себя; это знакъ, что ты долженъ сохранять мои письма, такъ какъ я буду сохранять твои.

Теперь я долженъ бы дать отчетъ тебѣ въ нѣкоторыхъ мысляхъ и чувствахъ; но жизнь моя бѣдна разнообразіемъ чувствъ, а особливо теперь, когда всѣ мои помышленія вертятся около одной мысли (такъ или почти такъ выражается въ одномъ мѣстѣ Фіеско).

Сколько я ни разстроенъ бранью и крикомъ старухъ, бабъ, дѣтей, шалуновъ, котятъ, которые всѣ правы, потому что они кричатъ, кромѣ меня, который одинъ виноватъ, потому что я молчу—но желалъ бы продолжать письмо свое.

Я разсуждалъ вчера, почему Родз[янка] не хочетъ, чтобъ я былъ участникомъ въ перепискѣ, и думаю, что етому причиною мой насмѣшливой характеръ, который увеличенъ въ глазахъ его. Тутъ, между четверыми нами, онъ не былъ бы, конечно, замѣшенъ; вторая причина—его оригинальность или странность.

Однакожь, эта проклятая насмѣшливость (наблюдая девизъ, долженъ говорить откровенно) была для меня причиною многихъ неприят-

¹⁾ Акд. Веселовскій въ изслѣдованіи о Жуковскомъ далъ невѣрное освѣщеніе этому письму, бывшему у него въ рукахъ. Сказавъ о святости для Андрея Тургенева товарищеской дружбы и привелъ нѣсколько выписокъ изъ переписки 1801—1803 гг., онъ говоритъ: „Пожить съ друзьями Андрею Тургеневу не удалось, но онъ дѣлательно переписывается съ ними, утверждая союзъ любви, который выражалъ уставъ общества. ...Разставаясь съ Жуковскимъ, Тургеневъ условился переписываться съ нимъ“ (стр. 63 — 64). Мы видимъ, однако, что никто изъ участниковъ переписки не уѣзжаетъ, что и является характернымъ. Тургеневъ только еще собирается уѣхать, а Мерзляковъ въ письмѣ къ Жуковскому мечтаетъ, что тогда-то, когда Тургеневъ уѣдетъ въ Питеръ, а Родзянка, котораго, какъ видѣли, они хотѣли было привлечь къ участию, уѣдетъ въ Малороссію, — тогда ихъ переписка „растянется и будетъ интереснѣе“. „Будетъ даже вѣрнѣе, потому что тогда сердца наши, не имѣя случая соединиться другъ съ другомъ въ мирной бесѣдѣ, узнаютъ необходимую потребность въ перепискѣ и строже стануть приказывать намъ исполнить свою должность“. (Русская Старина, 1904 г., май, стр. 450).

ностей, которыхъ я иногда и не заслуживалъ, потому что я по большей части смѣюсь не съ тѣмъ, чтобъ досадить, но чтобы разсмѣшить (конечно, другихъ). Если строго разбирать всѣ мотивы, то весь смѣхъ, можетъ быть, обратился бы на меня. — Впрочемъ, скажу тебѣ смѣло и откровенно: передъ Родзя[нкой] я не виноватъ; я всегда очень почиталъ его дарованія, его способности ¹⁾ и всегда очень выгодно думалъ и думаю о его сердцѣ.

(Нѣсколько времени спустя).

Наконецъ мы рѣшились съ Мерзляковымъ переводить Вергера, и сперва принимаемъ за I-ю часть. Я теперь съ нѣкоторымъ восторгомъ представляю себѣ, какъ хорошо будетъ, когда мы ее кончимъ ²⁾.

Нѣтъ, братъ, не могу удержаться, чтобы не сказать тебѣ что-нибудь о томъ, что я чувствовалъ, будучи въ театрѣ въ Déserteur, смотря на С[андуно]ву ³⁾. Она была такъ прелестна, больше, нежели

¹⁾ Товарищескій кружокъ цѣнилъ Родзянку за его литературныя дарованія и за его склонность къ философствованію. Но Родзянка отличался подозрительностью и ни съ кѣмъ не могъ ужиться. Переписка членовъ кружка періода 1801—1803 гг. рисуетъ очень ясную картину развитія душевной болѣзни Родзянки. Родзянка нѣсколько раньше Тургенева уѣхалъ въ Петербургъ, и Тургеневъ сначала (въ концѣ ноября 1801 г.) поселился было съ нимъ на одной квартирѣ, но черезъ нѣсколько дней переѣхалъ къ Кайсаровымъ. Въ это же время Андрей Кайсаровъ, оставшійся въ Москвѣ, получилъ слѣдующую, удивившую его, жалобу Родзянки: „Я вась никогда ничѣмъ не огорчалъ; вы нѣсколько разъ хотѣли меня очернить и обидѣть, совокупно съ *нѣкоторою собратіею*; но я все забываю. Имѣю много слабостей въ характерѣ, по незапамятствѣ“. Тутъ же онъ ссорится съ Тургеневымъ и не ходитъ къ нему, „сидитъ въ норѣ своей и нигуда не выходитъ“—какъ писалъ Александръ Тургеневъ Жуковскому изъ Петербурга 11-го февраля 1802 г. Андрей Тургеневъ, возвратившись въ Петербургъ изъ своей поѣздки въ Вѣну въ февралѣ 1803 г., сообщаетъ Жуковскому: „Представь, братъ, что Родзянка съ жаромъ, со слезами жаждетъ на меня, что я злодѣй его, что я очернилъ передъ всѣми нашими пріятелями, Воейковымъ, Жуковскимъ и проч.“. Друзья старались всячески оправдать себя отъ обвиненій Родзянки, не понимая, что здѣсь имѣло мѣсто начало развившагося скоро недуга—душевной болѣзни.—О своей насмѣшливости и холодности Андрей Тургеневъ не разъ говорилъ и въ письмахъ и въ дневникахъ.

²⁾ Переводить Вергера Тургеневъ началъ съ Мерзляковымъ еще „мая 24-го 1799 въ упив. въ своей комнатѣ въ 10 часу въ исходѣ ввечеру“, но „переведши одно письмо, пересталъ, и Мер[зляковъ] тоже, потому что услышали, что уже въ Петерб. перевод[енъ] снова“ (Дневникъ Тургенева). — Теперь они опять принимаются за переводъ.

³⁾ Извѣстная актриса Сандунова была первымъ предметомъ увлеченія со стороны Андрея Тургенева. Тургеневскій молодой кружокъ были вообще большими театрами, особенно Андрей. Его увлеченіе Сандуновой было извѣстно и пріятелямъ, и, когда

прелестна. Я видѣлъ въ ней красоту, невинность, благородство, нѣжность; что-то пылало въ моемъ сердцѣ; какая-то сладость лилась въ него; и я непрестанно воображалъ, какъ бы она играла Луизу въ Sab[ale] und Liebe, которую бы непремѣнно перевелъ я, напр., въ послѣдней сценѣ, когда Луиза, презрѣнная Фердинан[домъ], съ полнымъ взоромъ любви, съ нѣжностію и горестію хочетъ броситься къ нему, съ словами: das deiner Louise, Ferdinand? Какое неизъяснимое, глубокое чувство въ сихъ словахъ! и какая простота! Ничего не знаю проще и трогательнѣе! Мой другъ! Женщинамъ опредѣлено воспламенять насъ—къ великимъ дѣламъ, къ труднѣйшимъ жертвоваціямъ и, можетъ быть,—къ самымъ злодѣйствамъ.

(Нѣсколько спустя).

Въ дѣятельности будемъ искать себѣ веселія, щастія; будемъ, сколько можемъ, дѣлать добро; будемъ полезны, сколько можемъ; и въ тѣ тягостныя минуты холодности и урюмой мизантропической нечувствительности, когда мы не видимъ въ добрѣ никакой прелести и неспособны ни къ какому доброму дѣлу, станемъ по крайней мѣрѣ вспоминать, что въ минуты радости и удовольствія—когда сердце наше гораздо справедливѣе—оно исполнено было добра и любви.

Хочу кончить и отправить письмо, чтобы ужъ положить основаніе нашей перепискѣ.—Сегодня бат[юшка] сказалъ, что онъ непремѣнно повезетъ меня зимой въ Петербургъ. Это очень оживило мои чувства¹⁾;

въ концѣ 1800 г. онъ сталъ увлекаться Катериной Михайловной Соковиной, Кайсаровъ какъ-то разъ замѣтилъ ему въ письмѣ отъ 21-го ноября 1801 г. (послѣ отъѣзда Тургенева въ Петербургъ): „Жуковской сказывалъ, что онъ говорилъ очень долго съ Кат[ериной] Мих[айловой] о тебѣ, сказывалъ, что она спрашивала его, надѣется ли онъ, чтобы черезъ два года ты не перемѣнился. Я говорилъ ему, чтобы онъ увѣрилъ ее, что ты во всю жизнь не перемѣнишься—п, признаю тебѣ (только не осердись), самъ точно же почувствовалъ, что сказалъ неправду. Гдѣ твоя Луиза—твоя Сан[дунова]“? Объясненіе даетъ дневникъ Андрея за 1799—1800 г., гдѣ онъ постоянно говоритъ о своемъ увлеченіи Сандуновой, которую онъ, увлекался въ то время Sabale und Liebe, постоянно называетъ своей Луизой. 12-го дек. 1799 г. онъ записываетъ: „Луиза—это имя напоминаетъ мнѣ все, чѣмъ Луиза украшена въ Sabale und Liebe; все это носитъ въ головѣ моей въ образѣ Санд[уновой]. Пришелъ А[ндрей] С[ергѣевичъ] [Кайсаровъ] и смѣется надо мною; какъ профану, нечего ему инова и дѣлать“.

¹⁾ 27-го августа 1800 г. Тургеневъ въ своемъ журналѣ записалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣсколько дней тому какъ я встрѣтилъ у Малиновскаго Андреевскаго, который служилъ въ Коллегии и пріѣхалъ только-что изъ Петербурга. На другой день бат[юшка] сказалъ, что онъ зимой самъ повезетъ меня въ ПБргъ.—Какъ-то я тамъ буду жить? ...Какъ бы приятно было заняться какимъ-нибудь переводомъ, Вертеромъ,

и къ етому присоединились мысли о Дезертерѣ, о Sab[ale] und Liebe и это все оживлено С[андуновой]. Но все это дѣйствуетъ ужъ на концѣ письма, потому что то писано прежде.

Ожидаю отъ тебя письма. Больше пиши. Прости.

А. Тургеневъ“.

Жуковский на это письмо написалъ отвѣтъ быстро. Отвѣтное письмо Жуковского не сохранилось, но что оно было, доказываетъ слѣдующая записка Тургенева въ журналѣ подъ 23-мъ августа: „Сейчасъ (послѣ обѣда, вечеромъ) получилъ письмо отъ Жуков[скаго] и читалъ его съ самымъ холоднымъ духомъ! Боже мой! Это ужасно. Естъли бы, думаю, надобно было разставаться съ нимъ, я бы разстался безъ слезъ. Что со мной? Мнѣ безпрестанно казалось, что я не могу чувствовать такъ, какъ онъ, такъ благородно и особливо—такъ нѣжно. Часто самъ восхищаюсь я великою чувствительною мыслию и въ ту же минуту въ состояніи смѣяться надъ нею, по крайней мѣрѣ—проклиная мою нечувствительность!“

18-го сентября Тургеневъ былъ у одного изъ Кайсаровыхъ, Паисія Сергѣевича, и тамъ „слышалъ и читалъ описаніе случившагося съ Варварою Мих[айловной] Соковниной. „Она тайно ушла изъ дому своей матери, и наконецъ мать получила письмо изъ деревни за 12 верстъ отъ Москвы, что она навсегда остается крестьянкою и никогда не хочетъ въ Москву возвращаться. Съ тѣхъ поръ какъ умеръ отецъ ея, ни мать ни она не могли утѣшиться“. Это событіе произвело глубокое впечатлѣніе на Тургенева, и онъ по поводу его исписалъ въ своемъ журналѣ цѣлыхъ три страницы ¹⁾. Онъ задумалъ написать Варварѣ Михайловнѣ стихи, набросалъ тутъ же содержаніе ихъ, а на другой день написалъ ей Посвященіе Вертера, переводимаго въ то время имъ съ Мерзляковымъ. А 20-го числа онъ возвращается къ своей перепискѣ съ Жуковскимъ и пишетъ ему слѣдующее письмо:

„Я нашель, мой милый другъ, о чемъ писать къ тебѣ, и воспользуюсь сими утренними часами и здоровымъ, довольно веселымъ моимъ расположеніемъ.

какими-нибудь стихами и пр. и пр. и пр.“. Нѣсколько разъ онъ возвращается къ своей предстоящей поѣздкѣ, набрасываетъ письмо къ Карамзину, которое онъ послалъ бы изъ Петербурга. Поѣздка, однако, не состоялась: онъ уѣхалъ въ Петербургъ только въ слѣдующемъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

¹⁾ Исторія бѣгства Варвары Михайловны и постриженія ея въ монахини въ Орловскомъ Сѣвскомъ Троицкомъ монастырѣ разсказана въ брошюрѣ Г. Пясецкаго „Жизнеописаніе блаженной памяти игуменіи и схимонахини Серафимы“, Орелъ, 1886.

Ты знаешь фамилію Соковинныхъ. Мать—женщина, одаренная всѣмъ, что должно составлять почтенную и любезную женщину, ангельской кротостію, умомъ и сердцемъ рѣдкимъ, можетъ быть, въ нынѣшнемъ вѣкѣ единственнымъ. Нѣсколько лѣтъ уже, какъ лишилась она своего мужа; эта потеря сокрушила ихъ всѣхъ; но болѣе подѣйствовала на нее и на одну изъ дочерей ея. Она никогда не можетъ безъ слезъ вспомнить и говорить о своемъ супругѣ; дочь при смерти, думаю, была въ отчаяніи; но оно обратилось въ тихую, снѣдающую скорбь. Вообрази себѣ, она навсегда отказалась отъ всѣхъ радостей жизни; въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего, что бы могло ее утѣшить; все, что могло бы ее радовать, только болѣе дѣлаетъ для нее жизнь несносною. Вспомни, что здѣсь ничего нѣтъ увеличеннаго, романическаго; все изображено слишкомъ слабо.

Когда перешли они жить въ другой домъ, послѣ смерти отца своего, горестъ ее усилилась; *je ne peux pas vivre dans cette maison; je n'y retrouve plus des traces de mon père*—говорила она часто. Она просилась у матери въ монастырь; но нѣжная мать старалась удерживать ее отъ сего намѣренія.

Нѣсколько дней тому—она долѣе обыкновеннаго не выходитъ изъ своей комнаты; ее дожидаются, она не выходитъ; посмотрѣли въ окно ее комнаты (домъ очень низко): ее нѣтъ! Мать падаетъ въ сильной обморокъ. Проходятъ два или три ужасные дни; объ ней нѣтъ никакого извѣстія. Наконецъ входитъ старой крестьянинъ; со слезами говоритъ, что онъ виноватъ, проситъ прощенія и подаетъ письмо (котораго я не читалъ). Но содержаніе то, что она ночью вылезла въ окошко и пошла къ Дѣвичьему полю; переѣхала черезъ Москву рѣку и, встрѣтивъ на Воробьевыхъ горахъ двухъ крестьянокъ, которыя спрашивали ее, кто она, сказала имъ, что она бѣдная сирота и идетъ въ село Никольское; что они сказали ей: „не можетъ быть, чтобъ ты была простая крестьянка; ты, вѣрно, благородная, и бѣжишь отъ мачихи“; что, увидѣвъ у ней образъ Спасителя, они заклинали ее имъ возвратиться назадъ. Наконецъ (я не помню и не знаю всѣхъ обстоятельствъ) она дошла до Никольскаго, въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ домъ того крестьянина, который принесъ письмо, и сказала, что намѣрена остаться у него; на что онъ согласился не прежде, пока она согласилась увѣдомить мать; она закликаетъ ее въ письмѣ своемъ, чтобы ее оставили тутъ, и что тутъ только можетъ найти нѣкоторое спокойствіе.—Не знаю еще, на что рѣшилась мать.

Я забылъ сказать, что этотъ крестьянинъ давно былъ знакомъ всему дому и носилъ туда молоко, овощи и пр.

Представь себѣ, братъ, какая нѣжная глубокая любовь! Черезъ нѣсколько лѣтъ ничто не могло уменьшить ее въ молодой дѣвушкѣ. Ни въ чемъ, ни въ чемъ не находить себѣ радости!—Она взяла въ свое уединеніе Библию и Руссо.—Мать въ жалкомъ положеніи. Я бы желалъ узнать ее лично.

При всякомъ подобномъ случаѣ я досажую на себя; ты знаешь за что. Признаюсь: всѣ бы будущія и прошедшія радости моей жизни отдалъ за ея чувства ¹⁾.

Но вчера я былъ нѣсколько утѣшенъ: я вздумалъ посвятить ей переводъ Вертера; написалъ посвященіе и, прочитывая его, былъ сердечно растроганъ.

Вотъ оно:

(Но это да останется между нами двумя).

Тебѣ, которая навсегда отказалась отъ радостей міра, чтобы проливать слезы о незабвенномъ родителѣ;—которая, получивши отъ неба сердце, умѣла любить нѣжно, познала всю сладость сего драгоценнѣйшаго дара Небесъ и, наконецъ, посвятила его вѣчной горести до блаженнаго соединенія съ тѣмъ, для кого оно билось—тебѣ посвящаю это изображеніе пламенной, злополучной страсти!

Ты меня не знаешь—но если чтение этой книги займетъ на нѣсколько минутъ твое вниманіе, если она усладитъ скорбь твою, то знай, что я щедро награжденъ тобою.

Съ дыханіемъ благодатной весны да прольется кроткое умиленіе въ твоемъ сердцѣ; ороси сладкими слезами первой цвѣтокъ весенній и принеси его въ даръ памяти незабвеннаго друга.

Да оживится въ растроганной душѣ твоей мысль о той вѣчной, неувядаемой веснѣ, которая возсіяетъ для тебя нѣкогда въ другомъ щастливѣйшемъ мірѣ и возвратитъ тебѣ *его* на вѣки ²⁾.

(Ни кому, ни слова! помни).

---

¹⁾ Объясненіе этимъ строкамъ находимъ въ томъ же дневникѣ Тургенева тотчасъ послѣ записи о событіи: „Я досажую на себя: я бы долженъ былъ во сто разъ чувствительнѣе, чтобы сожалѣть о ней, чтобы проливать надъ ней слезы и утѣшать ее слезами. Какая нѣжность къ отцу! Кто способенъ къ этому? Кто не позавидуетъ и ея помѣшателству? По крайней мѣрѣ не я... Но зачѣмъ я такъ нечувствителенъ? Теперь его самымъ мучительнымъ образомъ беспокоитъ меня“.—Это обычное сокрушеніе Андрея Тургенева по поводу своей холодности, нечувствительности и т. п.

²⁾ Мы видѣли выше, что Тургеневъ въ это время какъ разъ началъ переводить

Изъ всего етова могъ бы выйти прекрасной Романъ. Для чего я не Göthe? Не повѣришь, какъ я интересуюсь судьбой етой несчастной, единственной въ нѣжности дочери.

Пожалуй никому не говори объ етомъ. Всей фамиліи не хочется, чтобы ето разгласилось; между тѣмъ—прости. Отвѣчай скорѣе.

Мнѣ бы хотѣлось скорѣе поправить сцену изъ Донъ-Карлоса: въ слѣдующую субботу непременно“.

Разсказанная исторія очень поразила Андрея Тургенева. Соковнины — семья, въ періодъ юности Тургеневыхъ тѣсно съ ними связанная. Еще въ 1799 г. Александръ Тургеневъ познакомился съ Соковнинными и влюбился въ одну изъ дѣвицъ—Анну Михайловну. Теперь Андрей, заинтересованный разсказомъ о Варварѣ Михайловнѣ, скоро самъ знакомится съ ними, у него завязывается романъ съ другой сестрою, Катериной Михайловной, который представляетъ собою любопытную страницу изъ исторіи сердечной жизни людей начала 19 вѣка и нѣсколько напоминаетъ исторію Татьяны съ Онѣгинимъ въ первый ея періодъ. Теперь же онъ записываетъ въ дневникѣ: „Мнѣ пришла мысль написать къ ней стихи; я сказалъ бы въ нихъ, какъ всѣ радости заключаются для нее въ однихъ слезахъ, въ мысляхъ о безумномъ отцѣ“. Стихи, дѣйствительно, были написаны. Познакомившись съ Соковнинными, Тургеневъ 9-го февраля слѣдующаго 1801 г. описываетъ бывшій наканунѣ у нихъ обѣдъ и говоритъ: „Катерина Михайловна... просила у брата стиховъ моихъ на Варвару Михайловну. Богъ знаетъ, почему она объ нихъ узнала“.

Одновременно съ перепиской Тургенева съ Жуковскимъ началась переписка Жуковскаго съ Мерзляковымъ. Мерзляковъ первый началъ переписку, первый написалъ Жуковскому, но его письмо не сохранилось. Сохранилось отвѣтное на него письмо Жуковскаго, писанное 22-го августа въ Главной Соляной Конторѣ. Того же 22-го августа,

---

Вертера. Предполагаемое посвященіе написано два раза въ черновомъ видѣ и въ дневникѣ и подписано апрѣлемъ мѣсяцемъ, когда Тургеневъ, повидимому, предполагалъ кончить переводъ.—Для той эпохи характерно то, что Соковнина скрывается съ Руссо, а восхищенный ея поступкомъ Тургеневъ посвящаетъ ей переводъ Вертера. Тургеневъ съ Вертеромъ познакомился годъ тому назадъ и тогда же (26-го ноября 1799 г.) записалъ: „Почитавши стиховъ Göthe въ Schillers Musenalmanach—принадяся я опять за Вертера. Какое чувство, точно какъ будто бы изъ неприятной, пустой, холодной, чужой земли пріѣхалъ я на милую родину. Опять Göthe, Göthe, передъ которымъ надобно пасть на колѣни; опять тотъ же великой, любезной, важной—однимъ словомъ, Göthe, каковъ онъ долженъ быть. Какой жаръ, сила, чувство натуры! какъ питательно, сильно, интересно!“.

какъ видѣли, получилъ письмо отъ Жуковскаго и Тургеневъ. Его письмо своей датой устанавливаетъ время поступленія Жуковскаго въ Соляную Контору, не выполнѣ точно установленное ¹⁾: во всякомъ случаѣ, Жуковский въ августѣ мѣсяцѣ уже былъ на службѣ. Къ данному письму Жуковскаго примыкаетъ изданное въ Русской Старинѣ 1904 г., май, „Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ одному изъ его друзей“, при чемъ издатель добавилъ: „вѣроятно, къ В. А. Жуковскому“. Теперь должно сказать это утвердительно. Письмо Мерзлякова, писанное 8-го сентября, есть отвѣтъ на письмо Жуковскаго, и авторъ его приводитъ изъ него выдержки и дѣлаетъ на нихъ возраженія; это есть „антирецензія“, которую ожидалъ Жуковский. Однако, Мерзляковъ не сразу отвѣтилъ своему другу, который прислалъ ему еще одно письмо, чѣмъ и объясняется долгій промежутокъ—отъ 22-го августа до 8-го сентября. Мерзляковъ самъ бранитъ себя за неаккуратность: „Ну! что ты, другъ мой, что скажешь мнѣ за то, что я въ другой разъ пропускаю череду свою?“ и далѣе: „Г. лекарь! перемѣни рецептъ свой, который я получилъ отъ тебя въ прошедшемъ письмѣ“ ²⁾. Г. Рѣзановъ на основаніи этого письма замѣчаетъ, что Мерзляковъ „въ эпоху образованія Дружескаго Литературнаго Общества переживалъ свой Sturm und Drang“ ³⁾. Съ этимъ можно согласиться развѣ съ той точки зрѣнія, что Sturm und Drang въ этотъ періодъ переживали болѣе или менѣе всѣ члены Тургеневскаго кружка. Здѣсь же рѣчь идетъ о временномъ тревожномъ состояніи Мерзлякова, которое вообще было мало ему свойственно. Въ письмахъ сказалась разница между складами душевной жизни двухъ друзей. Мерзляковъ слылъ въ товарищескомъ кружкѣ за философа; онъ былъ склоненъ къ теоріи, что впоследствии сказалось и въ его профессорской дѣятельности, и разуму отдавалъ предпочтеніе. Жуковский не почиталъ „головоломовъ“ или „философовъ“, какъ видимъ и изъ писемъ. Жуковский и здѣсь рекомендуетъ своему другу то, чѣмъ онъ руководствовался всю свою жизнь—„надежду“. Въ томъ же 1800 г. въ „Утренней Зарѣ“ была напечатана небольшая „піеса“ Жуковскаго „Къ надеждѣ“, можетъ быть, одна изъ рѣчей его, произнесенныхъ въ Собраніи воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Общаго по подробностямъ между письмомъ и „піесой“ нѣтъ, но по идеѣ—сходство полное. Въ противоположность Жуковскому, реко-

¹⁾ См. у Рѣзанова, стр. 375, прим. 1-е.

²⁾ Рус. Стар. 1904 г. май, 446.

³⁾ Изъ Разысканій, 209.

мендовавшему руководиться „надеждой“ и „желаніями“, Мерзляковъ утверждалъ, „что мы непремѣнно должны имѣть вѣрной *компасы*— разумъ, просвѣщенный... этими головоломами, ищущими истины, а не надеждами, дабы управлять нашими желаніями и сдержать ихъ въ равновѣсіи и отдыхать послѣ всего этого на колѣняхъ у надежды“¹⁾. Исслѣдователи указали уже, что въ Тургеневскомъ кружкѣ „Надежда“ воспѣвалась многими; по крайней мѣрѣ, Андрей Тургеневъ уже въ 1798 г. напечаталъ стихотвореніе „Утѣшеніе“, начинающееся словами: „Надежда кроткими лучами освѣщаетъ нашъ мрачный путь въ печальной жизни сей“²⁾.

Письмо Жуковскаго, писанное имъ въ „гнилой конторѣ“, на кучѣ большихъ бухгалтерскихъ книгъ, написано на большомъ листѣ синей бумаги крупнымъ почеркомъ; оно вложено въ одинъ сборникъ, уже хорошо извѣстный исслѣдователямъ русской литературы. Въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, находятся письма И. И. Дмитріева къ Александру Ивановичу Тургеневу, изданныя отсюда Флоридовымъ, письма къ нему же Батюшкова, изданныя Майковымъ, и нѣкоторыя другіе матеріалы, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя письма Жуковскаго къ тому же Тургеневу, но изъ болѣе поздняго времени.

Письмо Жуковскаго къ Мерзлякову слѣдующее:

„Главная Соляная Контора. 1800, авгу. 23.

Это письмо будетъ отвѣтомъ на твое. Хорошій же ты часовщикъ, когда не умѣешь перестроить этихъ проклятыхъ часовъ, которыя бьютъ въ твоемъ сердцѣ и унылымъ своимъ стукомъ нагоняютъ на тебя тоску и горестъ. Загляни въ нихъ хорошенько—нѣтъ ли какой порчи, не истерлось ли какое-нибудь колесо, не порвалась ли какая цѣпочка или что другое—мало ли что случиться можетъ? Поправь, перемѣни, и дѣло кончено. Ты скажешь: „Трудно, почти невозможно“; но я буду отвѣчать съ Делилемъ:

C'est de difficultés qui naissent les miracles.

Такъ, братъ, одинъ Богъ знаетъ, что такое человѣкъ, эта вѣчная

¹⁾ Русск. Стар. 449. Редакція Русской Старины снабдила слѣдующимъ замѣчаніемъ издаваемое тамъ письмо Мерзлякова: „Это письмо Алексѣя Федоровича Мерзлякова... находится между бумагами Александра Ивановича Тургенева, любезно сообщенными редакціи „Русской Старины“ П. Н. Тургеневымъ“. Въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ, въ настоящее время хранящемся въ Академіи Наукъ, даннаго письма нѣтъ. Повидимому, оно и теперь находится въ редакціи Русской Старины.

²⁾ См. Рѣзановъ, 218.

загадка, которую Природа задала ему и которую онъ съ минуты рожденія по самую минуту смерти разгадываетъ и разгадать не можетъ.

Жизнь наша не иное что, какъ неразрывная тѣнь желаній, смерть есть конецъ ихъ и, можетъ быть—исполненіе. Ты жалуешься на непостоянство сердца человѣческаго и вмѣстѣ на свое, но скажи мнѣ, что бы была жизнь наша безъ сихъ желаній или—что почти все равно—надеждъ, которыхъ господа Головоломы или философы называютъ суетами? Холодною, однообразною жизнію, лишенною всѣхъ прелестей и удовольствій, однимъ словомъ, слѣпою, въ которой глаза наши ничего не видятъ, ничего не встрѣчаютъ, кромѣ отдаленнаго безмолвнаго неба, которое сливается съ горизонтомъ... *Espérer c'est jouir*—говоритъ Delille—и я вѣрю Делилю. Положимъ, что надежды часто насъ обманываютъ, но другія надежды, можетъ быть, также обманчивыя, заступаютъ ихъ мѣсто и держатъ сердце наше, какъ говорятъ французы, *en suspens et ce suspens la est déjà jouissance*. Къ тому же, надобно тебѣ сказать, *совершенное наслажденіе*, по натурѣ человѣческаго сердца, не можетъ быть чистымъ; оно смѣшано съ нѣкоторою неприятною, и, можно сказать, исполненіе всѣхъ нашихъ желаній есть начало скуки и хладнокровія. Мы можемъ уподобиться мореплавателямъ, которыхъ кормчіи—надежда, которыхъ попутный вѣтеръ—желаніе; если обманываемся, почетши отдаленное облачко желанною пристанью, то мы ѣдемъ далѣе и—*опять надѣемся*, что скоро увидимъ настоящую землю. И такъ, мой милой, не бранись съ собою за то, что ты безпрестанно желаешь новаго и недоволенъ старымъ. Желаніе новаго (а желать почти то же, что надѣяться) есть *Triebfeder* нашихъ дѣлъ. Тотъ бѣдной человѣкъ, кто живетъ на свѣтѣ безъ надежды; пускай будутъ они пустыя; но они все *надежды*, они все *любезны и нѣжны*.

НВ. Я пишу все это въ гнілой конторѣ, на кучѣ большихъ бухгалтерскихъ книгъ; вокругъ меня раздаются голоса толстопузыхъ, запачканныхъ и разряженныхъ крючконосцевъ; перья скрипятъ, дребежжатъ въ рукахъ этихъ соляныхъ анчоусовъ и оставляютъ чернильныя слѣды на бумагѣ; вокругъ меня хаосъ приказныхъ; я только одна планета, которая, плавая надъ безобразною структурою мундирной сволочи, мыслить *au dessus du Vulgaire* и—писать къ тебѣ письмо.

И такъ за старую пѣсню.

Однимъ только матросамъ нельзя учиться на берегу управляя

судномъ для того, что—они матросы. А намъ, между нами будь сказано—философамъ, это не запрещается; кто изъ спокойной пристани увидить разбившуюся лодку о подводной камень, тотъ не направитъ туда своего судна; вѣтрами не совладѣешь тогда, когда они бунтуютъ; поздно ставить громовой отводъ тогда, когда громъ ударилъ и зажегъ твою хижину. Учись въ тишинѣ души управлять душою и заранѣе предусматривай бури; опыты только поддерживаютъ теорію; когда я съ образованнымъ сердцемъ войду въ хаосъ свѣта, то не нуженъ Эгидъ Минервинъ для прикрытія его отъ стрѣлъ Купидоновыхъ. Должности диктуетъ намъ сердце, міръ есть поприще, на которомъ мы ихъ исправлять должны; какъ же ступить въ это поприще, не имѣя посоха, которымъ бы подпереться было можно?—вотъ мое возраженіе на то, что ты написалъ въ письмѣ своемъ; если оно несправедливо, то присылай свою антирецензію.

Картина твоей Природы прекрасна, стихотворна, только она слишкомъ вѣтрена, твоя Природа.

Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, если жизнь наша только роза, только блестящая роза, то за что мнѣ благодарить Природу?

А я благодарю ее, благодарю съ трепещущимъ сердцемъ, съ пылающею душою.

Я вотъ какъ толкую, или только изображаю дары Природы.

Я рождаюсь въ свѣтъ и въ тихомъ вѣяніи благодати низлетаетъ ко мнѣ добрая мать моя—Природа; въ рукѣ ея сѣмя моей жизни ¹⁾—вотъ, говоритъ она къ юнорожденному своему сыну, вотъ сѣмя твоей жизни; вмѣстѣ съ тобою будетъ оно развиваться, возрастетъ и нѣкогда обратится въ дубъ кудрявый; если ты сбережешь юную, только раздвѣтшую былинку, то распутившееся дерево будетъ благотворною тѣнію осѣнять цвѣтущій лугъ и украшать лѣса и рощи; если же морозъ успѣетъ охладить жизнь въ разцвѣтающемъ растѣніи, то оно поблекнетъ, и ты, сынъ мой, увянешь вмѣстѣ съ нимъ.

Благодарю тебя, Природа, за матеріалы и дары твои, за эту любовь къ добру, пылающую въ моемъ сердцѣ, которая есть твой голось и которая меня оберегаетъ; если увянетъ оно, сіе растѣніе, порученное мнѣ тобою, то не тебя обвинять буду, а лишь горестными слезами стану обливать поблекшую былинку, которую не умѣлъ сберечь и воспитать.—Я, я одинъ буду виновникомъ; ты дала мнѣ все, и я изъ этого всего не умѣю извлечь своей пользы.

¹⁾ Эта картина родилась отъ твоей, только справедливѣе. (Примѣч. Жуковскаго).

Роза не можетъ быть эмблемой моей жизни; она благоухаетъ только тогда, когда цвѣтетъ подъ яснымъ небомъ; листья ея разлѣтаются отъ малѣйшаго вѣтра—дубъ же стоитъ и тогда, когда бунтуютъ бури и вихри; дубъ стоитъ и тогда, когда зима и дряхлость иссосали жизнь изъ его сердца. Странникъ, смотря на обнаженные его вѣтви, говоритъ: я наслаждался его тѣнью; онъ великъ и послѣ смерти.

Мысль твоя прекрасна—быть друзьями, друзьями людей и Музъ, учиться для того, чтобы знать цѣну дружбы и добродѣтели, чтобы дѣлать общими силами добро. Такъ, другъ мой, это прямая дорога къ счастью. Быть счастливымъ или добрымъ, а добрымъ и счастливымъ нельзя быть безъ отношенія себя къ Богу и обществу—вотъ моя религія, вотъ моя любовь къ вѣчному отцу моему.

Воображеніе мое никогда не было воиномъ, а меньше того Дон-Кихотомъ, которой мѣльницы принималъ за великановъ, а стадо овецъ за войско невѣрныхъ. Я тамъ не вижу препятствій, гдѣ ихъ ни видѣть ни ¹⁾ не намѣренъ. Говоря языкомъ православныхъ русаковъ, скажу тебѣ: я *люблю* для того, что любить непременно должно, что это сродно моему сердцу; успѣховъ въ любви не надѣюсь, для того что не могу, не ищу и не хочу получить ихъ, и еще для того что—подивись человѣческому сердцу—что они ослабили бы любовь мою. Вотъ отвѣтъ на мистическій вопросъ твой“.

Разсмотрѣнная переписка имѣетъ значеніе не сама по себѣ, не по своему содержанію—она продолжалась повидимому не долго,—но какъ одинъ эпизодъ изъ кипучей дѣятельности любопытнаго Тургеневскаго кружка періода 1800—1801 г. Этотъ періодъ для всѣхъ ихъ былъ своего рода Sturm-und-Drang-Periode. Всѣ они мятутся, всѣ ищутъ дѣятельности, всѣ мечтаютъ—каждый по своему, и всѣ быстро мѣняютъ свои планы и намѣренія. Наболѣе кипятъ Андрей Тургеневъ и Мерзляковъ; Жуковский, болѣе спокойный, не мечтающій ни о чемъ, уже погружившійся въ сладкія ощущенія надежды и дружбы, является уравновѣшивающей силой среди стремленія „къ дѣятельности“ своихъ друзей. Въ періодъ увлеченія Вертеромъ друзья учреждаютъ переписку—можетъ быть, въ подражаніе самой формѣ переводимаго ими произведенія. Въ основаніе переписки они кладутъ „искренность и любовь“; это будетъ ихъ девизомъ; этотъ же девизъ былъ положенъ ими въ основаніе вскорѣ учрежденнаго Дружескаго Литературнаго

¹⁾ Одно слово не разобрано.

Общества: этимъ они отдавали дань своему общему настроенію, возникшему и поддерживаемому, съ одной стороны, окружающей ихъ атмосферой Тургеневскаго дома, съ другой—сентиментальной литературой, культивировавшей дружбу. Учрежденная переписка долго не могла продолжаться: друзья постоянно видѣлись между собой, то у Тургенева, то у Воейкова, у котораго той же осенью начались собранія „подъ Дѣвичьемъ“—и матеріала для переписки не хватило. Она и должна быть разсматриваема какъ одна изъ попытокъ дать выходъ избытку молодыхъ силъ, которыми кипѣли жаждущіе дѣятельности энтузіасты.

II.

Стихотвореніе Жуковскаго „Къ Нинѣ“.

Къ числу стихотвореній Жуковскаго, относимыхъ въ изданіяхъ къ 1807 или 1808 г., принадлежитъ и указанное ¹⁾, начинающееся стихами:

„О, Нина, о мой другъ! ужель безъ сожалѣнья
„Покинешь для меня и свѣтъ и пышный градъ?“...

Изъ содержанія видно, что Нина желаетъ оставить свѣтъ и поселиться въ бѣдномъ шалапѣ, въ пустынѣ; поэтъ спрашиваетъ ее, неужели она готова перенести и холодъ жестокой зимы и палящій зной лѣта; она рождена быть прелестью природы, и неужели она, затворившись въ весенніе годы своей жизни, не вспомнить прежніе свои сладкіе дни? Онъ спрашиваетъ ее, неужели она „въ горькій жизни часъ“ не раздѣлитъ съ нимъ опасности и „въ страшную минуту испытанья“ не вспомнить о времени, когда она „въ городѣ цвѣла“? И неужели она не принесетъ своего благословенія на смертную его постель и не украситъ его тихій гробъ цвѣтами? „Ужель, простертая на прахъ мой со слезами,

„Не вспомнишь прежнихъ лѣтъ, какъ въ городѣ цвѣла
И несравненною въ кругу Прелестъ слыла?“

Это стихотвореніе было напечатано въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1808 г. № 8, но въ „собранія сочиненій“ Жуковскаго, вышедшія при жизни послѣдняго, не входило. Ефремовъ отнесъ его къ 1807 г. на томъ основаніи, что Жуковскій въ 5-мъ изданіи своихъ произведеній (1849 г.) отнесъ къ 1807 г. четыре стихотворенія: „Тоска по миломъ“,

¹⁾ Сочиненія Жуковскаго, изд. (7-е) Ефремова, I, стр. 88—89, (1807 г.); изд. подъ ред. проф. Архангельскаго, I, стр. 49 (1808 г.).

„Мальвина“, „Гимнъ“, „Филалету“, которыя всѣ были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы 1808 г., слѣдовательно, одновременно съ стихотвореніемъ „Къ Нинѣ“¹⁾). Однако, нѣкоторыя данныя, находящіяся въ бумагахъ архива братьевъ Тургеневыхъ, даютъ основанія для другого, болѣе точнаго опредѣленія времени написанія этого стихотворенія, а также и повода къ нему.

Какъ извѣстно, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, во время своего обученія въ Геттингенскомъ университетѣ въ 1803 — 1804 гг., велъ дневникъ, и вотъ, подъ 18-мъ февраля 1803 г. онъ записываетъ слѣдующее: „Вечеру надѣлъ новый сн....²⁾“; пересматривалъ всѣ бумаги, Жуковскаго пѣсню къ Нинѣ. Какое время напомнили мнѣ всѣ эти предметы? — самое блаженное. Какими чувствами наполненъ я? — самыми горькими... ахъ нѣтъ — самыми утѣшительными. Нѣтъ, я до тѣхъ поръ не буду совершенно несчастливъ, пока буду имѣть всѣ эти вещи и пока буду чувствовать цѣну ихъ. Естьли всего лишусь и сам...., то лишь бы только они у меня остались — и когда грусть овладѣетъ мною, я взгляну на нихъ, и они напомнятъ мнѣ, напомнятъ — что и я былъ счастливъ“.

Теперь уже намъ достаточно ясно, о чемъ здѣсь говоритъ Тургеневъ. Уже акад. Веселовскій, пользуясь въ своемъ изслѣдованіи о Жуковскомъ нѣкоторыми бумагами Тургеневскаго архива, указалъ на тѣсную связь Андрея и Александра Тургеневыхъ съ сестрами Соковнинными, Катериной и Анной Михайловнами. Семья Соковнинныхъ состояла изъ матери Анны Ѳедоровны, четырехъ сыновей и трехъ дочерей — Варвары, Катерины и Анны. У Катерины Михайловны разыгрывался романъ въ письмахъ съ Андреемъ Тургеневымъ, у Александра было платоническое чувство къ Аннѣ Михайловнѣ. Онъ ухаживалъ въ Геттингенъ, оплакиваемый предметомъ своего перваго юношескаго увлеченія, и первое время своего пребыванія въ Геттингенѣ жилъ воспоминаніями того счастливаго времени, тѣхъ четырехъ лѣтъ, которыя протекли съ 3-го февраля 1799 г., когда онъ „на негодномъ извощикѣ тащился на балъ съ Губаревымъ къ Лихачеву, который праздновалъ 3-го февраля именины Анны Ѳедоровны и Анны Михайловны“ (Соковнинныхъ). Онъ взялъ съ собой на память нѣкоторыя вещи и теперь пересматриваетъ ихъ, и они напоминаютъ ему его счастливое время. Въ числѣ этихъ реликвій, напомнившихъ ему время

¹⁾ Соч. Жуковскаго, изд. Ефремова, I, стр. 497.

²⁾ Здѣсь и дажѣ точки въ подлинникѣ.

„самое блаженное“, Александръ Ивановичъ пересматриваетъ и „Жуковскаго пѣсню къ Нинѣ“. Что это за пѣсня? Другая ли какая, не дошедшая до насъ, или та же, что извѣстна подъ стихотвореніемъ 1807—1808 гг.? Рѣшеніе вопроса не представитъ затрудненій, если мы просмотримъ первоначальную исторію знакомства Тургеневыхъ съ Соковнинными.

3-го февраля 1799 г. произошло, какъ сказано, первое знакомство Александра Ивановича съ Соковнинными. Андрей Ивановичъ познакомился съ ними много позднѣе. Осенью слѣдующаго 1800 года одинъ изъ Кайсаровыхъ, пріятелей Тургеневскаго дома, Пайсіи Сергѣевичъ разсказалъ ему интересную исторію старшей дочери Соковниной, Варвары Михайловны, которую Андрей тотчасъ же кратко записалъ въ своемъ дневникѣ и которая вошла въ установленную дружескую переписку между имъ, Жуковскимъ и Мерзляковымъ. Письмо это приведено выше.

Когда Варвара Михайловна ушла изъ родительскаго дома, Андрей Тургеневъ еще не былъ знакомъ съ Соковнинными, но Жуковскій уже былъ знакомъ, вѣроятно, чрезъ посредство Александра Ивановича. Андрей и начинаетъ свое письмо словами: „Ты знаешь фамилію Соковнинныхъ“. Кромѣ посвященія Вертера, Андрей написалъ „на Варвару Михайловну“ стихи, которые пока неизвѣстны, но о которыхъ сестры Соковниной знали. Андрей скоро познакомился съ ними, и между нимъ и Катериной Михайловной начался романъ во вкусѣ сентиментальнаго направленія конца XVIII вѣка, и Жуковскій въ этомъ романѣ явился посредникомъ.

Вся эта Соковнинская исторія и объясняетъ „пѣснь Жуковскаго къ Нинѣ“, которую пересматривалъ Александръ Ивановичъ въ Геттингенѣ и которая ему напомнила его счастливое время. Очевидно, что исторія Варвары Михайловны произвела впечатлѣніе и на Жуковскаго, и онъ, подобно другу своему Андрею Тургеневу, отозвался на нее стихами. Стихи были написаны въ промежутокъ отъ осени 1800 г. до лѣта 1802 г., когда Александръ Ивановичъ уѣхалъ изъ Москвы. Но надо думать, что они скорѣе всего были написаны непосредственно послѣ совершившагося факта, т. е. приблизительно осенью 1800 г. и не позднѣе весны 1801 г., когда написалъ свои стихи и Андрей, осенью того же года уѣхавшій въ Петербургъ. Такъ надо думать еще и потому, что въ бумагахъ Тургеневскаго архива нѣтъ уже болѣе упоминаній о Варварѣ Михайловнѣ.

Оба друга, Андрей Тургеневъ и Жуковскій, заинтересовавшись сю-

жетомъ, написали по стихотворенію. Мы не знаемъ, что писалъ Андрей въ своемъ стихотвореніи, но, вѣроятно, онъ переложилъ въ стихи то, что записалъ въ своемъ дневникѣ непосредственно послѣ разсказа Кайсарова. „Мнѣ пришла мысль написать къ ней стихи“—говорить онъ въ дневникѣ: „я бы сказалъ въ нихъ, какъ всѣ радости заключаются для нея въ однихъ слезахъ, въ мысляхъ о безцѣнномъ отцѣ“;—далѣе онъ, очевидно, набрасываетъ тѣ мысли, которыя намѣренъ переложить въ стихи, а именно: „Я воображаю ее въ крестьянской избѣ, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, какъ она въ сумрачную осень ходитъ въ роцѣ и мечтаетъ о немъ, и какъ между тѣмъ мать ее оплакиваетъ... Какую сладость должна она находить въ мрачной осени, въ обнаженныхъ роцахъ, въ увядшихъ поляхъ, гдѣ все такъ сильно, такъ выразительно говорить ея сердцу. Но придетъ весна, и съ нею прольется умиленіе въ ее сердце; она ороситъ сладкими слезами первой весенней цвѣтокъ и посвятитъ его памяти незабвеннаго друга. Тутъ кротчайшія чувства поселятся въ ее сердце; можетъ быть, съ нѣжностью вспомнить она о несчастной матери и захочетъ обнять ее. Слезы нѣжности и горести, слезы тихой радости прольются при первомъ ихъ свиданіи. Но, между тѣмъ, сердце ее будетъ тосковать, и мать будетъ сохнуть въ своей печали. Дай Богъ, чтобы надежда ея исполнилась и чтобы она успокоилась въ своемъ уединеніи и ожила для радости... Есть для добрыхъ чувствительныхъ—несчастныхъ сердецъ другое мѣсто, гдѣ они увидятся съ тѣми, кто для нихъ такъ драгоценны, чье воспоминаніе такъ терзаетъ и такъ улаживаетъ ихъ сердце. Но между тѣмъ страдать во всю жизнь?—Но я не несчастенъ и помѣнялся бы съ нею. Одинъ увядшій цвѣтокъ больше займетъ ее сердце, нежели меня всѣ мои радости; въ одномъ увядшемъ цвѣткѣ больше для нее блаженства“.

Отдала дань господствовавшему тогда сентиментализму Варвара Михайловна, взявъ съ собой вмѣстѣ съ библіей и Руссо, отдалъ ему дань и Тургеневъ, восхитившись ея привязанностью къ отцу и нарисовавъ чувствительную картину осенней и весенней прогулокъ отшельницы и добавивъ въ своемъ дневникѣ фразу: „На ету минуту не взялъ бы всѣхъ алмазовъ остроумія Волт[ера] за одну искру челоуѣколюбія Стернова. Одинъ онъ могъ такъ описать свою Марію!“ Отдалъ ему дань въ разсматриваемомъ стихотвореніи и Жуковский; но онъ остался и тутъ вѣренъ самому себѣ: онъ нарисовалъ чувствительную картину своей смерти и призывалъ „Нину“ присутствовать при ней и украсить его гробъ цвѣтами. Въ тотъ періодъ, къ которому слѣдуетъ

относить данное стихотвореніе, подобнаго рода мотивы часто повторялись Жуковскимъ. Весной 1801 г. онъ произноситъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ свою очередную рѣчь „О дружбѣ“ и заканчиваетъ ее такой же картиной: „Не привлекателенъ ли и самый одръ кончины тогда, когда стоитъ передъ нимъ другъ мой, котораго слезы въ послѣдній разъ воспаляютъ хладѣющее мое сердце!.. часто съ неизъяснимою сладостью мечталъ я о сей послѣдней и блаженнѣйшей минутѣ, часто желалъ имѣть друга для того, чтобы умереть въ его объятіяхъ“¹⁾. Мысль о смерти, о кладбищѣ проникаетъ большинство раннихъ произведеній Жуковскаго, испытавшаго въ этомъ отношеніи вліяніе своего времени, но пользовавшагося ею чаще другихъ²⁾.

Если въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній не можетъ быть сомнѣнія о написаніи стихотворенія „Къ Нинѣ“ въ 1800—1801 г., то спрашивается, почему самъ Жуковскій, напечатавъ его въ издаваемомъ имъ Вѣстникѣ Европы въ 1808 г., затѣмъ не включилъ ни въ одно изъ послѣдующихъ изданій своихъ произведеній? Очевидно, причина была личнаго свойства. Варвара Михайловна Соковнина, уходя которой въ 1800 г. изъ родительскаго дома далъ поводъ Жуковскому написать стихотвореніе „Къ Нинѣ“, приняла монашество въ томъ же 1800 году³⁾. Она прославилась своей строгой, монашеской жизнью, приняла схиму и 25 лѣтъ была игуменьей Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря, и умерла въ 1845 г. Родные ея, повидимому, не скоро примирились съ ея уходомъ. По крайней мѣрѣ, въ первое время ея уходъ повергнулъ все семейство въ огорченіе. Андрей Тургеневъ пишетъ Жуковскому: „Пожалуй, никому не говори объ этомъ; всей фамиліи не хочется, чтобы это разгласилось“. Въ виду этого, и написанное Жуковскимъ стихотвореніе, конечно, хорошо извѣстное Соковнинымъ, въ печать и не могло идти, какъ слишкомъ ясно говорившее о событіи. Въ 1808 г. Жуковскій рискнулъ напечатать стихотвореніе, можетъ быть, потому, что къ этому времени матери Соковнинныхъ, Анны Ѳедоровны, уже не было въ живыхъ. Можно только догадываться, что напечатаніе стихотворенія было встрѣчено неблагоклонно и, прежде всего,—самой Варварой Михайловной, теперь мо-

¹⁾ См. мою статью „Дружеское Литературное Общество 1801 г.“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8.

²⁾ См. у Рѣзанова, стр. 127 и слѣд.

³⁾ *Пасецкій*, Житнеописаніе блаж. пам. игуменіи Серафимы, вып. 3-й (Орель, 1887 г.), стр. 26.

нахиной Серафимой, отрѣшившейся отъ міра и не желавшей вспоминать о прошломъ. На этомъ основаніи Жуковский и не могъ рѣшиться перепечатать его въ изданіяхъ своихъ произведеній и—даже въ послѣднемъ, вышедшемъ въ 1849 г., уже послѣ смерти игуменьи Серафимы.

III.

Посланіе Жуковскаго къ императору Александру 1814—15 гг.

Въ сентябрѣ 1814 г. Жуковский писалъ Александру Ивановичу Тургеневу изъ Долбина: „*Между нами*: я хочу писать Посланіе къ Государю. Принято ли это будетъ и не поздно ли? Оно давно было бы и написано; но... Музѣ надобенъ покой! А у меня его не было“ ¹⁾. Онъ тотчасъ же набрасываетъ планъ и уже 20-го октября сообщаетъ Тургеневу: „Хочу приниматься за Посланіе къ Государю; планъ сдѣланъ, кажется, хорошо, а это для меня всего важнѣе. Онъ *написанъ*, слѣдовательно не могу бояться, чтобы мысли, записанныя въ минуту горячую, пропали изъ головы въ минуту холодную. Мнѣ весело было писать этотъ планъ и, признаюсь, много обѣщаю себѣ наслажденія отъ самого сочиненія. Никакой поэтъ не можетъ похвалиться, чтобы имѣлъ подобный этому предметъ. При имени Государя сердце распаляетъ воображеніе. Кто подумаетъ о лести! Россія должна благодарить его за тотъ великій характеръ, который онъ къ славѣ ея явилъ въ такихъ рѣшительныхъ для нея обстоятельствахъ и, благодаря этому характеру, Россія теперь славнѣе, нежели когда-нибудь. На это все найдешь въ моемъ Посланіи. Только уговорь, чтобы *никто не зналъ* объ этомъ. Какъ скоро узнаютъ, то это обратится въ тяжкую обязанность, и принужденность будетъ охлажденіемъ воображенія... Итакъ молчи и не убей моего Посланія, рассказавъ о немъ, прежде нежели оно родилось“ ²⁾.

Тургеневъ, однако, не сталъ держать при себѣ намѣренія Жуковскаго, и свѣдѣнія объ его болтливости дошли и до Долбина. 8-го ноября Жуковский опять пишетъ Тургеневу: „Ты вѣрно думаешь, что у меня все готово, а я еще не написалъ ни одного стиха изъ моего Посланія; ты же объ немъ успѣлъ раструбить. Хорошъ ты! Но такъ и быть. Пишу теперь для того, что передъ началомъ всякаго добраго дѣла нужно поговорить съ милымъ человѣкомъ, чтобы доброе дѣло было

¹⁾ Письма Жуковскаго, 125.

²⁾ Ibid., 127.

прямо добрымъ. Благослови, братъ! Завтра начну прибывать свое имя къ памятнику Александра“ ¹⁾). Тургеневъ же, съ своей стороны, 13-го ноября пишетъ ему: „Пришли, пожалуста, и все новое—даже планъ Посланія, о которомъ я никому ни слова не сказывалъ“. Очевидно, здѣсь Тургеневъ бралъ грѣхъ на душу. Жуковский, пославъ письмо отъ 8-го ноября, засѣлъ за Посланіе и написалъ его въ 9 дней, съ 14-го по 23-е ноября. Когда къ нему пришла просьба Тургенева прислать планъ Посланія, послѣднее было уже готово, и 1-го декабря онъ пишетъ уже подробныя наставленія Тургеневу относительно дальнѣйшей судьбы своего произведенія: „Ты ждешь отъ меня плана моего Посланія къ Государю, а я посылаю тебѣ его совсѣмъ написанное. Первое условіе: прочитать вмѣстѣ съ Батюшковымъ, съ Блудовымъ, съ Уваровымъ и, если онъ состоитъ на лицо, съ Дашковымъ. Что найдете необходимымъ поправить, поправляйте; на меня въ этомъ случаѣ уже не надѣйтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Не знаю, удалось ли. Миѣ нравится, другимъ нравится; но надобно, чтобы вамъ, священный мой ареопагъ, противъ котораго нѣтъ апелляцій, понравилось! Если скажете: хорошо! то мое мѣсто въ храмѣ безсмертія свято... Судьбу этого Посланія предаю въ руки твои, Тургеневъ. Ты долженъ его переписать и доставить Государынѣ Императрицѣ и, если можно, скорѣе... Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Посланіе подарить чѣмъ-нибудь. Старайся, чтобы этого не было... Изданіе поручаю тебѣ“ ²⁾).

Въ началѣ (не далѣе половины) декабря Тургеневъ получилъ Посланіе и сейчасъ же отвѣтилъ Жуковскому: „Спѣшу сказать тебѣ, милый другъ Василій Андреевичъ, что я получилъ и письмо твое и Посланіе къ Государю и что другой день ничего болѣе не читаю. Но никто еще не видалъ его. Сегодня собирается священный Ареопагъ, состоящій изъ Блудова, Крылова, Гнѣдича и меня, и въ немъ прочтено и рассмотрѣно будетъ прекрасное твое произведеніе. Сегодня же ввечеру прочту его Уварову и единственной божественной жещинѣ-С[офьѣ] П[етровнѣ] Свѣчиной. Приговоръ ихъ исполненъ будетъ свято, но не думаю, чтобы они нашли нужными нѣкоторыя перемѣны, да и кто за это возьмется? Завтра же отдано будетъ оно первому здѣшнему каллиграфу для переписки, ибо миѣ совѣтуютъ, не разглашая о немъ, поднести его въ рукописи Государынѣ и потомъ

¹⁾ Ibid., 129.

²⁾ Ibid., 131.

уже напечатать его. Я самъ повезу печатный экз. къ Ней, къ великой княжнѣ и князьямъ“.

Ареопагъ пришелъ въ восторгъ, восхитился Посланиемъ и Уваровъ, который 20-го декабря выразилъ свое восхищеніе въ письмѣ къ Жуковскому ¹⁾. Оно было привезено къ Тургеневу для отсылки. Къ этому же времени прислалъ свои замѣчанія Батюшковъ ²⁾. 22-го декабря Тургеневъ написалъ Жуковскому письмо съ извѣщеніемъ судьбы его Посланія, хотя послалъ его только 29-го. Письмо его слѣдующее: „Посылаю тебѣ, милый другъ, Василій Андреевичъ, письмо Уварова и замѣчанія Батюшкова, которыя заслуживаютъ вниманія. Бездѣлицы мы исправимъ въ самой рукописи, которая переписывается и на дняхъ поднесется Ея Величеству; а другія исправленія постараюсь доставить къ тому времени, когда я начну печатать; я могу нѣсколько дней подождать; но желалъ бы, чтобы ты доставилъ исправленіе какъ можно скорѣе, ибо въ продолженіе праздниковъ я желалъ бы уже выдать въ свѣтъ твое Посланіе... Чѣмъ болѣе читаю я твое Посланіе, тѣмъ больше красота открываю, особливо во второй половинѣ его. То же замѣтилъ за собой и строгій Батюшковъ. Блудовъ пророчить, что ты будешь пѣвцомъ вѣка освобожденія и принадлежать славы Александра, какъ Виргилій принадлежитъ Августу, Державинъ—Екатеринѣ“.

Батюшковъ, присылая свои замѣчанія на Посланіе, присоединилъ на отдѣльномъ листкѣ письмо къ Жуковскому, которое пролежало у Тургенева до 29-го декабря, когда было послано вмѣстѣ съ замѣчаніями его. На обратной сторонѣ письма Батюшкова Тургеневъ и написалъ свое письмо отъ 29-го декабря, вслѣдствіе чего письмо Батюшкова и ускользнуло отъ редактора сочиненій послѣдняго, акад. Майкова. Письмо Батюшкова слѣдующее:

„Тургеневъ, истинный твой другъ и ревнитель твоей славы, прочиталъ мнѣ твое Посланіе и поручилъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Время не позволило разобрать подробно. Я замѣтилъ слабыя мѣста, которыми и ты, конечно, будешь не доволенъ. Я исполнилъ мой долгъ; теперь закликаю тебя твоей собственной Славой, не лѣниться исправить ихъ, и не иначе приступать къ печати. Блудовъ и Гнѣдичъ замѣтили еще нѣсколько строкъ; требуй отъ Тургенева замѣчаній, исправь и печатай.“

¹⁾ Издано въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., стр. 0163.

²⁾ Напечатаны въ сочиненіяхъ Батюшкова подъ ред. Майкова, т. III, стр. 299—302; И. А. Бычковъ (Письма Жуковского, 130) вѣрно указалъ на декабрь, какъ на время написанія письма.

Еслибъ я могъ завидовать тебѣ, то вотъ прелестный случай! Такъ, мой милый, добрый мечтатель! Щастливы мы, что имѣемъ такое дарованіе въ наше время; а мы, твои пріятели, еще щастливѣе: его дарованіе—наше, ты—нашъ, ты любишь насъ! Твое новое произведеніе прелестно. Въ немъ все благородно, и мысли и чувства. Оно исполнено жизни и поэзіи, однимъ словомъ: ты на равнѣ съ Предметомъ, и съ какимъ предметомъ! Не возможно читать хладнокровно такихъ стиховъ! И откуда ты почерпнулъ столько прекрасныхъ, новыхъ и живописныхъ выраженій? Щастливецъ! Чародѣй! Прими же чувство моея благодарности за нѣсколько сладостныхъ минутъ въ жизни моей: читать твои стихи,—значитъ наслаждаться—а въ послѣднихъ ты превзошелъ себя. Теперь побѣди себя, лѣнь, гнусную лѣнь, и разъ въ жизни сдѣлай доброе дѣло: отвѣчай на прежнее мое письмо, и скажи, что ты учинилъ съ сочиненіями Муравьева?

Батюшковъ“.

Батюшковъ посовѣтывалъ прочитать Посланіе престарѣлому Нелединскому-Мелецкому, бывшему тогда, такъ сказать, придворнымъ поэтомъ. Тургеневъ въ 20-хъ числахъ декабря „читалъ Посланіе Нелединскому и утѣшался его непритворнымъ и живымъ восхищеніемъ; при чтеніи второй половины Посланія не разъ наворачивались у старика слезы, и восклицанія: прекрасно! превосходно!—часто мѣшали мнѣ продолжать чтеніе. Онъ еще живо чувствуетъ все прекрасное. О стихѣ:

Предстатель за царей народъ у Провидѣнья

говоритъ онъ: *c'est un vers seculaire*, который дѣлаетъ честь вѣку и даетъ ему особенный характеръ“.

Это сообщилъ Тургеневъ Жуковскому въ письмѣ отъ 29-го декабря, въ которомъ онъ еще добавилъ: „Сейчасъ получилъ повелѣніе отъ Императрицы пріѣхать къ ней завтра въ 7-мъ час. вечера съ твоими стихами для чтенія и поднесенія. Я ѣду съ Уваровымъ. Нелединскій уже предувѣдомленъ. При чтеніи бываютъ обыкновенно вел. Княжна, вел. Князя *et quelques intimes*. Сперва прочту предъ пріятелями, дабы не уронить достоинство стиховъ“.

30-го декабря состоялось во дворцѣ чтеніе Посланія. Тургеневъ 1-го января 1815 г. описалъ это чтеніе въ письмѣ Жуковскому, который, списавъ съ него копію, послалъ ее къ своимъ роднымъ. По этой копіи письмо Тургенева и издано въ Русскомъ Архивѣ 1864 г., стр. 448—452.

Черезъ недѣлю Тургеневъ пересылаетъ Жуковскому замѣчанія Нелединскаго на Посланіе. Скорѣе—это замѣчанія Нелединскаго и Блудова, которые не всегда были согласны между собой. Нѣкоторыя замѣчанія совпадали съ замѣчаніями Батюшкова, что указываетъ на результатъ совмѣстнаго обсужденія. Замѣчанія Нелединскаго—Блудова во время прійти не успѣли, но замѣчаніями (нѣкоторыми) Батюшкова Жуковский воспользовался и предложилъ поправки въ стихотвореніи „Ареопату“. Цензурная помѣтка сдѣлана уже 15-го января 1815 года ¹⁾).

Письмо Тургенева (отъ 8-го января) съ замѣчаніями Нелединскаго слѣдующее:

„Нелединскій, съ которымъ я читалъ еще разъ стихи твои, милый другъ Жуковский, и который не разъ слезами прерывалъ чтеніе, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія и просилъ меня сообщить тебѣ ихъ. Я сообщаю только тѣ, которые и Блудовъ нашелъ основательными.

„Дерзнетъ ли свой листокъ“ и пр.

Блудовъ находитъ нужнымъ перемѣнить этотъ стихъ ²⁾).

„Нѣтъ выше бурь вѣнца“ —

находитъ темнымъ, хотя мысль прекрасная ³⁾).

„Разгрянулся въ куски“ —

выраженіе не благородное ⁴⁾).

„Великанъ,—и взорами на міръ ужасно засверкалъ“ и пр.

находитъ слишкомъ въ карикатурѣ представленнаго Бон[апарте]. Но

¹⁾ См. Бычковъ, Письма Жуковского, 134, прим. 21.

²⁾ Стихъ „Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ влести вѣнецъ“ — и Батюшковъ назвалъ „ужаснымъ“. Жуковский въ отвѣтномъ стихотвореніи „Ареопату“, соглашаясь, что этотъ стихъ „ужасный“, не нашелъ, однако, возможнымъ его измѣнить. Онъ такъ и вошелъ въ печатное изданіе.

³⁾ Батюшковъ, выписавъ стихъ: „Нѣтъ, выше бурь вѣнца ты ея возносился“, замѣтилъ: „Не лучше ли бурь земныхъ? Такъ я думаю; впрочемъ, могу ошибаться.“ — Жуковский тоже не соглашался съ поправкой Батюшкова, однако—стихъ напечатанъ былъ въ исправленномъ видѣ.

⁴⁾ Батюшковъ, выписавъ два стиха:

И первый лигій тронъ у галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ—какъ волканъ,

замѣтилъ: „Тронъ разгрянулся надъ главою галловъ, и какъ? въ куски. И что же? Вспыхнулъ, какъ волканъ! Не хорошо“ — Жуковский согласился съ критиками и исправилъ второй стихъ такъ: „Вспыхнулъ, разверзнувшись, какъ гибельный волканъ“.

Нелединскій съ симъ замѣчаніемъ не согласенъ и думаетъ, что иначе его и изображать недолжно ¹⁾).

„Двинуль рабства плѣнъ“ ²⁾.

„Кричало: брань“ —

слово низкое, по замѣчанію Блудова, но Нелед[инскій] думаетъ, что оно тутъ прилично ³⁾).

„И скоро сдавленный губителя стопою“ ⁴⁾.

Нел[единскій] думаетъ, что тутъ не объ опытѣ говорить должно. Я не могъ помирить его съ симъ стихомъ, но Бл[удовъ] одобряетъ стихъ.

„Полки... при гласъ ихъ отцевъ“.

Всѣ находятъ, что, хотя и можно догадаться, что здѣсь говорится о гласѣ отцевъ тѣхъ, которые низринули нашу столицу, но что это очень темно ⁵⁾).

¹⁾ Батюшкову эти стихи также не понравились: „Великанъ, который

Взрами на мѣръ ужасно засверкалъ—

карикатура и ничего не значить. Бонапарте надобно лучше и сильнѣе характеризовать“. Жуковскій не согласился съ критиками.

²⁾ Батюшковъ на стихъ „На народы двинуль рабства плѣнъ“ (sic) замѣтилъ: „Если это выраженіе не вѣрно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ силу и живость“. Въ печатномъ изданіи стихъ читается: „На первый свой народъ онъ двинуль рабства плѣнъ“.

³⁾ У Жуковскаго первоначально было:

Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, кричало: брань!

Тамъ все изъ-подъ бича въ стопамъ тирана дань

На пользу буйственнымъ мечтамъ принести спѣшило.

Батюшковъ пишетъ: „Мы закричимъ: Жуковскій, поправь и эти три стиха! Первый дурень, а другіе не хороши“. Жуковскій поправилъ такъ:

Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь, зывало: брань!

Все, раболѣпствуя мечтамъ тирана, дань

Къ его ужасному престолу приносило!

⁴⁾ По поводу первоначальнаго вида стиховъ—

И скоро сдавленный губителя стопою

Угасшій пепелъ ихъ покрылся мертвой мглою,

Батюшковъ замѣтилъ: „Я не стану дѣлать замѣчаній, онъ самъ догадается; мое дѣло обратить вниманіе на слабыя мѣста“. Жуковскій исправилъ ихъ такъ:

По нимъ свободы врагъ отважною стопою

За всемогуществомъ шагаль отъ боя къ бою,

„И тяжелой опыта ихъ бременя рукою“.

⁵⁾ Этого стиха нѣтъ въ печатномъ изданіи.

„Съ обезоруженнымъ отъ ужаса челомъ“,

выраженіе *desarmé de terreur* переведено удачно, но тутъ оно темно и раждаетъ другую мысль.

„И Бога съ небеси сразить“ и пр.

нужно, кажется, переменить этотъ стихъ ¹⁾.

„Въ сей славъ предокъ твой, герой спасенья спить“.

Ты называешь Кутузова его предкомъ, но Блудовъ и я сперва думали, что рѣчь идетъ о Петрѣ. Нелединскій вразумилъ меня, но думаетъ, что выраженіе „предокъ“, вмѣсто „предшественникъ“ или „предтеча“ не всѣ поймутъ. Онъ долго думалъ, какъ бы переменить слово и удержать весь смыслъ стиха, но перемены не совсѣмъ удачны; вотъ одинъ изъ нихъ:

„Предтеча въ славъ сей, герой спасенья спить“.

Но слова *твой* недостаетъ. Не придумаешь ли ты лучшей перемены съ сохраненіемъ всей полноты мысли? Или сдѣлать должно замѣчаніе, въ которомъ помянуть, о комъ говорится ²⁾.

„Когда Нева въ теченьѣ“... и пр.

Всѣ замѣтили, что Нева и днемъ и ночью обтекаетъ храмъ сей, и потому нужно опредѣлительнѣе означить часъ сей — или тишиною или чѣмъ другимъ. Тебѣ не трудно сдѣлать эту перемену, оставивъ картину.

Вотъ à peu près всѣ замѣчанія. Легче мнѣ было описать ихъ, нежели тотъ восторгъ, который объемлетъ насъ при каждомъ новомъ чтеніи стиховъ твоихъ. Нелединскій третьяго дня во дворцѣ, твердя стихи твои, сказывалъ мнѣ, что еще не проходило ни одного дня, чтобы Государыня не вспомнила ему нѣкоторыхъ стиховъ твоихъ. Она послала другой списокъ, мною Ей доставленный, къ Государю, а я послалъ въ Вѣну къ Николаю ³⁾.

Разсмотрѣнная переписка свидѣтельствуетъ о стараніи друзей Жуковскаго перетащить его въ Петербургъ и приблизить къ двору. Съ 1813 г. въ жизни Жуковскаго начался тяжелый для него періодъ борьбы съ Екатериной Афанасьевной Протасовой; въ этой борьбѣ онъ прибѣгалъ къ помощи своихъ друзей, особенно Тургенева, и ихъ пе-

¹⁾ Въ печатномъ изданіи стихъ читается: „И бога поразить своей хулою мило“.

²⁾ Въ печатномъ изданіи читается согласно съ предложенной Тургеневымъ поправкой: „Предтеча въ славъ твой, герой спасенья спить“.

³⁾ Т. е. къ Николаю Ивановичу Тургеневу.

реписка (которою уже воспользовался акад. Веселовскій) свидѣтельствуеъ о тяжеломъ состояніи духа Жуковскаго, когда онъ переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ. Тургеневъ хотѣлъ вызвать его изъ одиночества и сталъ звать его въ Петербургъ. Онъ прежде всего старался заинтересовать имъ придворныя сферы. Къ тому времени, къ 1813 г. Жуковскій уже сталъ извѣстенъ своимъ стихотвореніемъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, и уже 2-го мая 1813 г. Тургеневъ сообщаетъ ему: „Государынѣ Имп. Елизаветѣ Алексѣевнѣ такъ понравились стихи твои, что Ей угодно было приказать Ивану Иван[овичу] Дмитр[іеву] написать къ тебѣ, чтобы ты прислалъ сюда для напечатанія на Ея щетъ вѣрную и исправленную копію. Ив[анъ] Ив[ановичъ] поручилъ о семъ тебя увѣдомить Данилову. Не знаю, получилъ ли ты письмо его? Я доставилъ Государынѣ и стихи твои князю Смоленскому ¹⁾, напечатанные въ Арміи и перепечатанные здѣсь въ Сынѣ Отечества и особо для меня въ сто экз.“...—Онъ зоветъ его къ себѣ въ Петербургъ: „Не знаю, нужно ли тебѣ ѣхать опять въ Армію, ибо не знаю, какую пользу ты тамъ принести можешь службѣ и себѣ. Отечество ожидаетъ отъ тебя другаго. Тебѣ нельзя оставаться и въ деревнѣ, ибо тамъ можешь ты съ трудомъ совершенствоваться, а Москвы нѣтъ уже болѣе, или по крайней мѣрѣ долго не можетъ она служить убѣжищемъ для твоихъ талантовъ. Пріѣзжай сюда, предварительно увѣдомь меня о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи. Уваровъ и я приготовимъ тебѣ пріютъ по службѣ, а жить ты долженъ со мной“... „Не думай, что ты будешь здѣсь между незнакомыми. Тебя любятъ люди, въ дружбѣ коихъ находилъ бы и ты свое счастье. И для того ты долженъ тотчасъ помышлять объ изданіи всѣхъ своихъ сочиненій; но вся причина пріѣхать сюда. Женщины, von hoher Weiblichkeit восхищаются ими, особливо послѣдними“. — На это приглашеніе Жуковскій отвѣчалъ указаніемъ на отсутствіе необходимыхъ средствъ для переѣзда и простымъ желаніемъ „жить въ деревнѣ“ ²⁾. Между тѣмъ, Тургеневъ заинтересовалъ и Уварова, который съ своей стороны сталъ звать Жуковскаго въ Петербургъ ³⁾. Но послѣдній мед-

¹⁾ Стихотвореніе, напечатанное въ 3-й части Сына Отечества за 1813 г., стр. 242—244, въ теперешнихъ изданіяхъ имѣетъ заглавіе „Вождо побѣдителей; писано послѣ сраженія подъ Краснымъ“ (изд. подъ ред. проф. Архангельскаго, т. II, стр. 10).

²⁾ Письма Жуковскаго, 101.

³⁾ Письма отъ 6-го іюня и 17-го августа.—Русскій Архивъ, 1871, стр. 0160—0162.

лилъ. 24-го іюля Тургеневъ снова вызываетъ его: „Третьяго дня въ соборѣ, въ день Маріи, Нелединскій подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что Государыня нѣсколько разъ о тебѣ спрашивала и ожидала только спокойныхъ дней и пріѣзда на мѣсяцъ Нелед[инска]го въ Павловскѣ, чтобы пригласить тебя въ Павловскѣ и бесѣдовать съ тобою. Я не вытерпѣлъ и сказалъ съ излишнею, можетъ быть, живостью, что давно бы пора подумать о Жуковскомъ], когда крохоборы-литераторы давно уже бывали въ Павловскѣ, что ты и не думалъ объ томъ, что это друзья твои, любящіе истинные таланты, удивляются равнодушію Государыни и пр. Онъ повторилъ причину; а я объявилъ ему, что тебя нѣтъ уже въ Петербургѣ, и обѣщаль дать знать, какъ скоро ты пріѣдешь“. А 11-го августа онъ снова зоветъ его: „Уваровъ убѣдительно приглашаетъ пріѣхать поскорѣе сюда. Того же желаютъ всѣ друзья-пріятели твои. Павловска не страшись. Онъ удобнѣе Зимняго Дворца для свиданій и тебѣ полкубится“.

Жуковский, однако, не собрался въ Петербургъ. Наступилъ 1814 г., годъ борьбы Жуковского съ упорствомъ Протасовой, но необыкновенно плодотворный для него въ поэтическомъ отношеніи. Въ это же время явился на сцену Воейковъ и начались переговоры о Дерптской кафедрѣ. Въ это время написалъ Жуковский и свое Посланіе къ Александру. Извѣщая о предстоящемъ Ареопагѣ (см. выше), Тургеневъ, между прочимъ, писалъ ему: „На сихъ дняхъ на балѣ у Гр. Кочубея великія князя снова спрашивали меня о тебѣ, о твоихъ занятіяхъ и о твоёмъ пріѣздѣ. Я сказалъ, что зналъ, но обѣщаль имъ непременно тебя зимой представить. Сдержи за меня слово и не проѣзжай въ Дерптъ мимо Петербурга“. Императрица осталась очень довольна „Посланіемъ къ Александру“ и пожаловала Жуковскому милостивый рескриптъ. 30-го января 1815 г. Тургеневъ опять напоминалъ Жуковскому о пріѣздѣ въ Петербургъ: „Тебѣ непременно нужно сюда пріѣхать, да и не учтиво не заѣхать послѣ столь убѣдительныхъ приглашеній со стороны Государыни“. 15-го же марта, посылая переданный ему Уваровымъ рескриптъ, Тургеневъ опять пишетъ о томъ же: „Государыня опять спрашивала меня о тебѣ и желала знать, когда ты сюда пріѣдешь и доволенъ ли ты изданіемъ Посланія. Я отвѣчалъ, что очень доволенъ и пр. Кажется, нужно тебѣ будетъ благодарить Ее и за рескриптъ и за изданіе“. Жуковский 1-го апрѣля уже изъ Дерпта послалъ Тургеневу свой отвѣтъ на рескриптъ ¹⁾, а самъ въ маѣ мѣ-

¹⁾ Письма Жуковского, 144.

сяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, представился Императрицѣ и великимъ князьямъ, но скоро опять уѣхалъ въ Дерптъ ¹⁾. 29-го іюля Уваровъ сообщилъ ему сожалѣніе Императрицы о скоромъ его, Жуковскаго, отъѣздѣ и вторичное приглашеніе поскорѣй пріѣхать опять; у нея уже были большія предположенія относительно Жуковскаго ²⁾. 7-го августа Тургеневъ продолжаетъ звать своего друга: „Павловскъ напрасно страшитъ тебя. Je crois, que vous y serez à votre aise; car les beautés du lieu et les promenades seront un sujet intarissable de conversations, de compliments et même de poésies, и ты познакомишься покороче съ дворомъ тамъ, гдѣ придворная жизнь сносите, и до пріѣзда Государя, когда опять перестанутъ думать о поэзіи, но вспомнятъ о поэмѣ. Не страшись и плановъ, которыя Государыня на тебя имѣтъ можетъ. Я не помню этого выраженія въ письмѣ Уварова, но увѣренъ, что проекты Госуд[арыни] на щетъ твой не лишатъ тебя независимости, и Герой Павловска ни въ какомъ случаѣ не долженъ похитить Пѣвца у Владимира. Государыня, вѣроятно, хочетъ покороче познакомиться съ тобой, и въ этомъ я предвижу возможность независимости. Воспользуемся симъ случаемъ, чтобы послѣ не упрекать себя. Пріѣзжай сюда поскорѣе, ибо скоро уѣдутъ изъ Павловска“. 24-го августа Жуковский опять былъ въ Петербургѣ, и 4-го декабря Нелединскій привезъ его въ Павловскъ для новаго представленія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Онъ получилъ назначеніе быть у нея чтецомъ. Оставшись въ Петербургѣ, Жуковский осенью 1815 г. принялъ участіе въ учрежденіи Арзамаса.

В. Истринъ.

---

¹⁾ Свое представленіе Императрицѣ Жуковский описалъ въ письмѣ къ А. П. Кирѣвской (Елагиной) изъ Петербурга, 11-го іюня 1815 г. (Утинскій сборникъ, М. 1904, стр. 15),

²⁾ Русскій Архивъ, 1871, стр. 0165.